

Нам СОВБЕСЕДНИК

Народная артистка СССР, лауреат
Ленинской премии Маяя **ПЛИСЕЦКАЯ**

Читательница нашей газеты Алла Лукашешенкова из Балашихи прислала письмо:

«Не каждому посчастливилось увидеть в Большом театре балет композитора Родиона Щедрина «Анна Каренина». Говорят, это очень интересный спектакль и особенно хороша в нем Майя Плисецкая. Да под-ка раздобудь на него билеты. Вот почему я очень обрадовалась, когда узнала, что балет этот решили снимать в кино и главную роль в нем, как и в театре, исполняет моя любимая балерина Майя Михайловна Плисецкая. Значит, ее «Анну» смогут увидеть миллионы зрителей. Только меня интересует — скоро ли это будет?»

И вообще хотелось бы узнать, как живет и работает Плисецкая, какие у нее творческие планы. Нельзя ли поподробнее рассказать в газете об этой замечательной актрисе начиная прямо с ее юных лет».

С письмом А. Лукашешенковой наш корреспондент познакомил народную артистку СССР М. М. Плисецкую и попросил ее ответить на ряд вопросов.

«ДУШОЙ ИСПОЛНЕННЫЙ ПОЛЕТ»

— Итак, начнем, Майя Михайловна, если не возражаете, с первого вопроса Аллы Лукашешенковой — когда же зрители увидят фильм-балет «Анна Каренина»?

— Наверное, скоро. Он уже готов. Во второй половине мая я была на юге Франции, где танцевала в концерте, в котором приняли участие советские и французские артисты. Там, в Каннах, как раз в это время проходил традиционный Международный кинофестиваль. На нем в один из вечеров показали вне конкурса только что снятый на студии «Мосфильм» новый художественный фильм-балет «Анна Каренина». Было, признаюсь, одно обстоятельство, которое меня изрядно тревожило, когда я шла на этот просмотр. Мои знакомые говорили мне, что приезжающая со всех концов света в Канны публика занята там больше всевозможными светскими развлечениями, а в фестивальной зале во время демонстрации картин чуть не половина мест пустует. И еще об одном предупреждали: аплодисментов от зрителей не дожидаться. Это не принято на фестивале. Я была, конечно, очень обрадована, когда, придя на просмотр нашего фильма, увидела, что зал полон. Судя по всей атмосфере этого вечера, зрители остались фильмом довольны, об этом свидетельствовали бурные рукоплескания, которые несколько раз возникали по ходу просмотра. А когда в зале вспыхнул свет, публика разразилась шумной овацией.

Теперь я, мои коллеги А. Годунов (исполнитель партии Вронского), В. Тихонов (Каренин), Ю. Владимиров (станционный мужик) и другие участники фильма с нетерпением ждем скорой встречи с советскими зрителями. Нам бы хотелось, чтобы фильм пришелся по душе тем, кто увидит его на экранах страны.

— Расскажите, пожалуйста, как вы стали актрисой, с чего началась ваша работа в искусстве?

— Сколько себя помню, я, кажется, всегда танцевала. Моя мама рассказывала, что, когда мне минуло три года, я как-то умудрилась убежать от нее на прогулке. А нашла она меня в дальнем конце бульвара, где я почему-то танцевала, не обращая внимания на прохожих, под звуки разносившегося из радиорепродуктора знакомого вальса Делиба из балета «Копеллиа». А после первого увиденного балета «Красная Шапочка» я, конечно, устроила дома свой спектакль, где танцевала и за Красную Шапочку, и за Бабушку, и за Волка.

Решающую роль во всем, если говорить серьезно, сыграла, несомненно, обстановка, в которой мне довелось расти. Семья Мессерер, к которой я принадлежу по материнской линии, дала советскому балету известных артистов и педагогов-хореографов, заслуженно блиставших много лет на сцене Большого театра, — Асафа Михайловича и Суламифь Михайловну. Младший брат отца Владимир Плисецкий тоже был воспитанником балетного училища. Довоенные зрители знали его как одного из исполнителей и руководителей популярного танцевально-акробатического номера «Трио Кастеллио». С первых дней Великой Отечественной войны Плисецкий ушел добровольцем на фронт, был разведчиком, погиб во время боевой операции в тылу врага. Владимиру Плисецкому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Мне было восемь лет, когда родители привели меня в Хореографическое училище при Большом театре. Помню, кто-то играл на рояле и я, рыженькая, наверное, смешная девочка, бесстрашно двигалась в такт музыке, забыв обо всем на свете... Словом, меня приняли. А я, вернувшись домой, убежала во двор к ребятам. Вообще я очень любила носиться по улицам, бегать, прыгать, могла при случае подраться, вечно ходила в синяках и ссадинах.

Через десять лет я уже танцевала «Раймонду», одну из сложнейших партий классического балетного репертуара.

— Кого из своих учителей вы вспоминаете сегодня добрым словом?

— Много сил и стараний вложили в меня талантливые педагоги, в прошлом своем прекрасные танцовщицы Елизавета Павловна Гердт и Мария Михайловна Леонтьева. Очень коротким по сроку, всего двухмесячным, но важным для меня оказался период учебы у Агриппины Яковлевны Вагановой, воспитавшей в свое время замечательную плеяду неподражаемых мастеров советского балета: Семенову, Уланову, Дудинскую, Шелест... За многое я благодарна Агриппине Яковлевне, но, пожалуй, больше всего за то, что она научила меня любить труд. До встречи с Вагановой я любила только танцевать. После ее уроков я поняла, какой увлекательной, интересной может стать сама работа балерины. Система Вагановой учила танцевать свободно, так, чтобы труд был незаметен и танец казался непринужденным.

— А за этой кажущейся нам, зрителям, со стороны свободой и непринужденностью?

— Повседневный труд. Надо систематически заставлять себя тренироваться всю жизнь. После каждого спектакля частица жизни артиста остается на сцене.

— После окончания училища вы сразу были приняты в труппу Большого театра?

— Да. Мой выпуск пришелся на военные годы. В ту пору, продолжая еще учебные занятия, я и мои товарищи много работали в филиале Большого театра, выступая в ответственных партиях. Активное участие принимала наша молодежь в шефских концертах: мы выезжали с артистическими бригадами на фронт. Я и сегодня бережно храню дорожной для меня документ военных лет. Это — командировочное удостоверение, в котором значится: «Предъявитель сего балерина Плисецкая М. М. командирована в действующую армию сроком с 5 мая по 1 июля 1942 года».

Когда я в эти годы училась в Хореографическом училище Большого театра, оно, как и сам театр, переживало очень интересную и значительную пору. Это было время подъема, когда вырабатывалась новая единая советская методика обучения классическому танцу.

— В чем же заключалось новое применительно к самому понятию советского балета?

— Это, новое родилось и окрепло под влиянием развития советской музыки и советского драматического театра и проявилось прежде всего в балетах, созданных нашими советскими композиторами. В довоенные времена на советскую балетную сцену пришла большая литература, а с ней и новые образы глубоко жизненного, философского содержания: «Бахчисарайский фонтан», «Утраченные иллюзии», «Кавказский пленник», а позднее «Ромео и Джульетта» — то есть Пушкин, Бальзак, Шекспир... Вскоре на балетной сцене стали появляться и образы наших современников. Новые герои требовали новых, более углубленных приемов актерского мастерства, новой танцевальной образности.

— Майя Михайловна, судя по вашим работам, которые мы видели в спектаклях «Кармен-сюита», «Анна Каренина» и других, вас как актрису не до конца устраивают и те формы, те хореографические принципы, что отличают сегодняшний балет. Чувствуется, что вас влечет еще к чему-то новому, к каким-то поискам... Что еще неизведанное представляет вам в будущем, какой вы видите балетную сцену завтра?

— Ну, пророчества от меня не ждите. Я просто думаю, глубоко в этом убеждена, что балет — искусство с большим и увлекательным будущим. Он непременно будет искать, развиваться. И, конечно, видоизменяться. Сейчас нельзя писать такую музыку, как в девятнадцатом веке. Нельзя сейчас и танцевать, как танцевали, скажем, тридцать лет назад. Ведь даже говорим мы уже не так. Но как именно, в какую сторону балет пойдет — со всей точностью предсказать трудно. Не знаю.

Знаю одно: всем нам — и исполнителям, и балетмейстерам, и, конечно, композиторам, создающим музыку для новых балетов, — надо работать очень много, серьезно, не щадя себя. Не гоняться за легким успехом, не повторять пройденных путей. Люди, их вера в искусство, их преданность сцене могут совершить чудеса. А какими окажутся эти «чудеса» балета будущего, решит сама жизнь.

— А актер, исполнитель, все-таки в чем вы видите «зерно» его поисков?

— Если я скажу: в высокой технике и искренности чувств — это прозвучит прописной истиной. Но, видимо, от этого не уйдешь. На мой взгляд, в работе балерины все начинается с музыки. Танцевать надо не «под музыку», а музыку. Каждый жест — выражение музыкальной фразы. В нем радость или печаль, мольба или протест. В музыке ведь тоже содержание, которое и актеру, и зрителю нужно «слышать», и чувствовать, и «видеть». Должно быть стремление к тому, что поэт определил, как «душой исполненный полет», и тут прежде всего — музыка.

Готовя новую партию, я не только репетирую хореографию. Читаю книги, рассуждающие об эпохе, в которую происходит действие, брожу по музеям. Когда репетировала Джульетту, заново открыла для себя великолепного итальянского художника Боттичелли, жившего в эпоху Возрождения. От него взяла очень много — формы, движения, манеру держаться на сцене, костюм, прическу.

— Скажите, пожалуйста, вы, наверное, получаете письма от людей, любящих искусство балета? Есть среди них письма от жителей Подмосковья?

— Есть, и очень теплые. Мне было приятно читать, например, письмо супругов Т. П. и А. Л. Сапожниковых из города Железнодорожного, людей, судя по всему, пожилых, которые, по их словам, видели когда-то танцы Анны Павловой и Тамары Карсавиной и очень высоко отзываются о современном советском балете. Порадовало письмо Д. Шарова из Подольска, сердечно поздравившего меня в свое время с присуждением Ленинской премии. Много было таких писем — они лучшей награда для артиста.

— Какие ваши ближайшие планы?

— После окончания сезона в Большом театре предстоит большая гастрольная поездка по Японии.

— С каким репертуаром! Какие партии вы будете исполнять?

— Покажем «Кармен-сюиту» на музыку Бизе — Щедрина, второй акт «Лебединого озера» Чайковского, одноактный балет композитора Пуни. В дивертисментах буду танцевать «Умиряющего лебедя», «Гибель розы».

— Собираетесь ли вы выступить снова в роли балетмейстера-постановщика на сцене Большого театра?

— Я задумала поставить балет «Чайка» по мотивам одноименной пьесы Чехова. Буду счастлива, если мне удастся осуществить этот спектакль.

— Продолжаются ваши связи с кино?

— В июне предстоит работа на «Ленфильме». В новом фильме совместного советско-американского производства «Синяя птица» по материалу известной пьесы-сказки Метерлинка. Снимаюсь также в фильме «Вешние воды» по роману Тургенева, который готовится для Центрального телевидения.

— Опять роль драматического плана, как и в фильме режиссера Зархи «Анна Каренина», где вы играли Бетси Тверскую?

— Да, драматического, но не только. Я и танцую в этой картине, так что отдаю в ней дань моей основной балетной профессии. В общем, работы много, буквально без выходных. Но радуется, что впереди новые встречи со зрителями — и на сцене, и на экране.

Беседу вел
А. АМАСОВИЧ.